

ФИЛОСОФ В ГОРОДЕ: АВТОБИОГРАФИЯ МЕСТА

Статья 2. Георгий Щедровицкий

С. А. Смирнов

Институт философии и права Сибирского отделения

Российской академии наук, Новосибирск, Россия

smirnoff1955@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках исполнения проекта
«Философская автобиография как метод антропологической навигации»
при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 19-011-00124)

Статья является продолжением серии работ, посвящённых исследованию связи жизни философа, с одной стороны, и местом его обитания, с другой. Автор показывает, как «труды и дни» конкретного философа фактически посредством событий, автором которых выступает философ, формируют и биографию места его обитания, до того зачастую мало известных, в которых происходили эти события. Делается вывод, согласно которому биография и автобиография философа заключается не только в его идеях и написанных сочинениях, но и в том, чтобы оставлять событийные следы в местах обитания, которые затем, после ухода их носителя, сами начинают говорить за него и рассказывать его биографию. В прошлой статье проблема автобиографии места обсуждалась автором на примере жизни М. М. Бахтина. В данной статье автор рассматривает эту тему на примере отечественного философа и методолога Г. П. Щедровицкого. Показано, что Г. П. Щедровицкий выстраивал и свою жизнь, и разрабатываемую им методологию как миссию, как культурное задание. Биография Щедровицкого отличается тем, что он организовывал её как экстерриториальную траекторию, воплотив фактически идею личностной навигации. На материале личных свидетельств и свидетельств других авторов, а также автобиографических текстов Г. П. Щедровицкого автор статьи показывает примеры таких событийных следов, которые оставлял Г. П. Щедровицкий. Показано, что в разных местах, ранее неизвестных научному миру, вдруг создавались очаги мышления и действия и эти места становились новыми интеллектуальными центрами.

Ключевые слова: визуальное пространство, автобиография, философская автобиография, биография философа, город, место, событие, свидетельство.

PHILOSOPHER IN THE CITY: AUTOBIOGRAPHY OF THE PLACE

Article 2. Georgy Shchedrovitsky

Sergei Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch

of Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia

smirnoff1955@yandex.ru

The article continues a series of works devoted to the study of the connection between the life of a philosopher, on the one hand, and his place of residence, on the other. The author shows how the "works and days" of a particular philosopher, in fact, through the events authored by the philosopher, form the biography of his habitats, which previously were little known. It is concluded that the biography and autobiography of the philosopher lies not only in his ideas and written works, but also in leaving event traces in the habitats, which then, after the departure of their carrier, begin to speak for him and tell his biography. In a previous article, the problem of the autobiography of a place was discussed by the author on the example of life of M. M. Bakhtin. In this article, the author considers this topic on the example of the domestic philosopher and methodologist G. P. Shchedrovitsky. The article shows that G. P. Shchedrovitsky built his life and developed methodology as a mission, as a cultural task. Shchedrovitsky's biography is distinguished by the fact that he built it as an extraterritorial trajectory, actually embodying the idea of personal navigation. On the material of personal testimonies and testimonies of other authors, as well as autobiographical texts of G. P. Shchedrovitsky, the author shows examples of such event traces that G. P. Shchedrovitsky left. It is shown that in different places previously unknown to the scientific world, pockets of thought and action were suddenly created, and these places became new intellectual centers.

Keywords: visual space, autobiography, philosophical autobiography, philosopher's biography, city, place, event, evidence.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-1-140-160

Место мысли

В этой работе я продолжаю заявленную в прошлой статье тему, связанную с уяснением связи жизни и мысли философа, с одной стороны, и места его обитания, с другой [Смирнов 2019]. Речь идёт о прецедентах создания автобиографии места через автобиографию философа. Для обсуждения этой проблемы я беру заведомо

сложные примеры. В прошлый раз это был М. М. Бахтин. В этот раз – Г. П. Щедровицкий. Сложность заключается в главном – в том, что их жизни заведомо антибиографичны. В том смысле, что их невозможно упаковать в привычный жанр биографии или автобиографии как эмпирической истории пребывания человека на этой земле (родился, вырос, учился, работал, женился, снова работал, умер). Или (как опять же привычно) невозможно пересказать их биографии на языке истории их идей и поисков, в жанре интеллектуальной (авто)биографии.

Фактически с этого начал своё замечательное выступление на чтениях памяти Г. П. Щедровицкого его давний друг и собеседник А. М. Пятигорский [Пятигорский 2006]¹. Последний не входил в круг почитателей и последователей идей Московского методологического кружка (ММК), но он входил в тот же интеллектуальный круг, слой одного послевоенного поколения сверстников, искателей, собеседников, выстраивающих каждый по-своему путь в философии. Так вот, А. П. Пятигорский заявил, что мемуар – не его жанр, рассказывание эмпирических историй, воспоминаний, разговоры «за жизнь», разного рода анекдоты по этому поводу категорически мешают нашей мысли: «Для философа нет большей угрозы, чем биография, любая, и его собственная в первую очередь. Реальный философ, начав философствовать, отбрасывает и свою, и чью бы то ни было биографию. Биография нейтрализует самые интересные точки в мышлении» [Пятигорский 2006]². Такое замечание философ сделал именно в связи с разговором о феномене Щедровицкого, который не просто не умещается ни в какую биографию, но своей жизнью показывает то, что призвание философа как раз заключается в поиске им своего места, которое никем не замечено и не занято, но которое никем и ничем заранее не создано. Это место событийно, оно создаётся сугубо актами мысли и действия, личностным усилием, как любил говорить другой философ и друг Г. П. Щедровицкого – М. К. Мамардашвили.

Но что важно? Пятигорский потому выступал противником пересказа эпизодов из жизни друга (на манер дурно пахнущего варианта псевдо(авто)биографии), что философ живёт своей мыслью, и эта мысль и определяет его время: времени нет вообще, оно есть функция от мысли. Время будет таким, как мы мыслим: «Время про-

¹ Чему свидетелем был и автор этих строк. В свойственной ему экспрессивной манере А. М. Пятигорский не рассуждал, а показывал пример пафосной речи философа от первого лица.

² Или ещё жёстче: «Не ожидайте никаких биографических анекдотов, меня от них давно тошнит. Они глушат мышление» [Пятигорский 2006].

изводно. Время есть функция от типа думания. Как думают, такое и время» [Пятигорский 2006]. Это и продемонстрировал Г. П. Щедровицкий, своим мыследействием определяя время, а не наоборот, и тем самым определяя собственно и место своего обитания. Оно было экстерриториально и событийно. Один из философских симпозиумов, которые проводил сам Пятигорский, так и назывался: «Место, из которого я думаю»³. Как определяется это место?

Например, Игнатий Лойола в своих духовных упражнениях, регламентирующих молитвенную практику, заметил важное правило *создания места для молитвы* (*locum orationis*). Таковым местом может быть не обязательно храм (священное место), святынище и не обязательно собрание верующих (церковь), но обязательно подготовленное и новое чистое место. Это место встречи с Богом всякий раз создаётся заново. Молиться каждый раз приходится заново и по-своему, и каждый раз как будто с нового места, сначала. Место молитвы – место начала, место другого, нового. Для верующего поиск чувства своей уместности связан с поиском связи с Богом. И потому местом может быть любая географическая точка, город, роща, сквер (Гефсиманский сад!), но важно то, что прежде всего ты сам ищешь свою уместность. Хотя св. Игнатий говорил о месте для молитвы, не для мысли, но с этим связано и требование к «ноотопии» (созданию места мысли), как и то, что известно как практика иеротопии, создание священных мест. Ведь как в практике иеротопии человек ищет места встречи с Богом, со священным, выходя из профанного мира, пытаясь соприкоснуться с миром сакральным, так и в случае с ноотопией человек пытается, если он явился в этот мир, найти своё осмысленное место.

Здесь звучит любимая тема М. К. Мамардашвили: тема конфликта между готовностью мира, в котором уже всё поставлено на свои места, и новым человеком, новеньkim, места для которого в мире нет, пока нет, и ему предстоит его ещё занять, точнее, создать через попытку помыслить, то есть создать своё место мысли [Мамардашвили 2014, 469]. В этой попытке ты действуешь примерно

³ Всего таких философских симпозиумов было проведено пять. Они проводились вдали от интеллектуальных столиц – в Звартаве (Латвия). Указанный симпозиум был проведён в 2001 году. Один из его организаторов и авторов, рижский коллега Пятигорского Арнис Ритупис вспоминал, что для него «в траектории философии Звартава как место остаётся важнее Кембриджа или Стэнфорда», поскольку «по философской интенсивности и насыщенности в моём опыте философских разговоров ничего подобного этим симпозиумам не было» [Ритупис 2019]. Это в продолжение нашего разговора о том, почему и как вдруг то или иное географическое место становится чуть ли не интеллектуальной столицей. Становится сугубо событийно. Для этого надо собраться нескольким свободным людям и начать высказываться по вопросам, не имеющим ответа, от первого лица, не предвзято и предельно рискованно.

так же: ты попадаешь в мир как бы немыслия, мир, в котором твоей мысли ещё не было и быть не могло. Ты являешься в мир вообще как никто, как вещь среди вещей. И среди начертанных, детерминированных и узаконенных, устоявшихся вещей тебе ещё предстоит создать то, чего не было. А это возможно лишь на границах, в щелях, расщелинах, складках, краях и проч., то есть там, где ещё гуляет ветер, на пустырях, в неосвоенных пространствах.

Но чтобы нащупывать эти края и межи, приходится как-то выйти из сферы привычных вещей, ставшего опыта. И как-то приподняться, что, собственно, и есть дополнительный смысл феномена мысли: мысль как зрение, умозрение, видение. М. К. Мамардашивили любил приводить пример с телескопом, любимым инструментом Галилея и Пруста. Так вот, часть этимона, слово *σκοπός* производно от *σκέπτομαι* – осматриваться, смотреть, взирать, рассматривать, обдумывать, взвешивать, обращать внимание⁴. Что это означает в категориях духовного пространства? Чтобы сориентироваться, выйти на большую дорогу, стать на свой Путь, необходимо обозреть, осмотреться вокруг, взобраться на более высокую, высшую точку, оглядеться окрест себя, что и означает занять высшую точку, взобраться на возвышенное место (то есть *σκοπία*) на сторожевую башню, чтобы оттуда наблюдать за тем, что происходит. Христа распяли на Голгофе, на возвышенном месте, дабы Он видел и Его все видели. Его преображение также происходило на горе. А вот молился Он в сквере, в тихом, укромном месте.

Смотреть, всматриваться, видеть – такое действие прежде всего предполагает другое действие – приподняться, взойти на высшую точку вертикали. Если вертикаль восхождения не выстраивается, то ты не сможешь взойти, а значит, не сможешь и увидеть! А значит, не сможешь и помыслить! Онтологическая вертикаль, опора, становится архитектоническим условием акта мысли. Занятие, точнее создание места мысли, означает нахождение своей высшей точки, достижение вертикальной точки возвышения, высматривание и обозревание окрест своей души, включающее в себя и настройку точки зрения (здесь место!), глубинную рефлексию, вырабатывающую в тебе фигуру скептика (*σκεπτικός*), склонного к размышлению, рассматриванию, сомнению и критическому разбору, включая и радикальное *эпохé*, известное независимо от феноменологии Э. Гуссерля.

⁴ Дополнительный признак слова и ещё она функция – надзора, высматривания (*σκοπός* – наблюдатель, надсмотрщик, соглядатай, лазутчик). Можно смотреть, всматриваться, искать истину, цель, а можно и подсматривать, надзирать чужую цель.

Получается следующее смысловое гнездо, связанное с местом-зрением-мыслью: смотреть, прозревать (выяснять, обозревая всё вокруг), подмечать, мыслить, размышлять, выстраиваясь в долгую вертикаль, ища себе место, подыскивая, подстраивая его под себя. Это мысль-зрение, особое действие, связанное с присмотром, надзором над своей душой. Человек сам себе надзиратель и места блюститель.

Рамочным условием остаётся то, что прежде чем *имеет место быть человек*, имеет место быть его авторская мысль от первого лица, чтобы в мысли имело место то, что должно быть реально как место человека. Это значит, что имеет место быть событие. Коли так, то едва ли не единственным способом, направленным на осмысление места философа, является свидетельство. Свидетельство мысли. И свидетельство того, что ты это видел! Смотри! Свидетельство тогда становится попыткой высказывания, изречения слова о событии, то есть о том, что становится местом и вехой в твоей жизни, поворотным пунктом. Эти события сами выступают такими вспышками памяти, которые не запоминаются даже, а вкрапляются в твоё тело, как щрапнель, как пули в стену, нанося на теле твоей бренной личности раны-следы, царапины и отметины, которые можно только вырезать ножом с кровью, но нельзя забыть. Они всегда на тебе, в тебе и делают тебя.

Свидетельства

Г. П. Щедровицкого я впервые увидел в 1984 году, на конференции, организованной его младшим другом и соратником И. С. Ладенко. Конференция была посвящена ходовой тогда теме – рефлексии («Рефлексия в науке и обучении»). На неё съехались разные философские умы. Конференция была весьма представительной⁵. Она была событием для города и для страны. Думаю, такие представительные философские (на самом деле междисциплинарные) конференции, которые проводил И. С. Ладенко, после его смерти в 1996 г. никогда уже в Новосибирске не проводились. По её результатам известный философ и методолог науки А. П. Огурцов написал рецензию в журнал «Вопросы философии», заметив, что конференция была «одной из наиболее представительных и богатых по обсуждавшейся проблематике» [Огурцов 1986, 160].

⁵ В ней участвовали Г. П. Щедровицкий, В. М. Розин, М. А. Розов, И. С. Ладенко, А. П. Огурцов и др.

Затем такая же представительная конференция по проблемам рефлексии была проведена в 1986 году. По её итогам был издан сборник тезисов [Ладенко 1986]⁶. По тем временам эти философско-методологические сборища, проводимые тогда в Академгородке, в Новосибирском государственном университете (НГУ), были частым и весьма многолюдным явлением. И Новосибирск на карте страны был помечен как место, где живут и работают М. А. Розов, И. С. Ладенко, где ранее работал И. С. Алексеев. А к ним периодически приезжает ГП⁷ со своей «бандой». Я тогда ещё не знал ГП в лицо. Сижу в поточной аудитории. У доски выступает очередной докладчик. А сбоку от меня чуть впереди сидит поджарый, энергичный, сухощавый мужчина и пускает убийственные замечания в сторону докладчиков. Думаю, кто такой? Оказалось, что он и есть. На следующий день на секции я был свидетелем публичного спора ГП, с одной стороны, и И. С. Ладенко и П. Г. Щедровицкого (сына), с другой стороны. В ней участвовал также Н. Г. Алексеев. Они спорили о феномене рефлексии. ГП пытался, как я понял, вывести оппонентов из тупика абстрактных разговоров в духе спекулятивной немецкой классики и встроить рефлексию в предметность мыследействия. Я тогда мало что мог понять в этом споре. Но от него веяло такой энергетикой, что я был заворожён.

На следующий год, в мае 1985 года состоялся спецкурс ГП в педагогическом институте благодаря стараниям моего первого учителя в философии В. П. Тыщенко, уговорившего (уломавшего) ректора принять ГП и организовать этот курс для научно-педагогической общественности. ГП читал несколько дней. Я сидел заколдованный, лихорадочно конспектируя каждое слово, далеко не всегда понимая смысл сказанного. Эти конспекты у меня сохранились. Думаю, что слушатели и не ведали, при каком событии они присутствовали. Точнее, для кого-то это было событием, а для кого-то проходным эпизодом. Для меня это была Встреча: сам ГП тебе лично рассказывает свою базовую работу, я её потом уже идентифицировал: это была как раз та работа, которая вошла ранее в знаменитый сборник «Педагогика и логика»⁸.

⁶ В качестве авторов к предыдущему списку добавились и другие – И. С. Алексеев, В. И. Слободчиков, Ю. В. Громыко, Н. Г. Алексеев, Г. И. Богин, Б. И. Хасан, С. В. Попов, П. Г. Щедровицкий и др.

⁷ Известно, что так звали Щедровицкого его ученики и соратники. Для краткости и ввиду частого упоминания его имени будем писать так и мы.

⁸ Сборник был уже собран в 1968 году. Потом был рассыпан, поскольку ГП поставил подпись под коллективным письмом в защиту диссидентов Ю. Галанскова и А. Гинзбурга, в результате чего был исключён из КПСС и позже уволен с работы («по сокращению штатов») [Давыдова 1994, 7]. В числе авторов сборника значились Г. П. Щедровицкий, В. М. Розин, Н. И. Некрасов.

Что такое тогда был Новосибирск в философском плане? Кто о нём знал? Кто ведал? Философия в Новосибирске никогда не была в почёте, будучи заменена на идеологический суррогат, обслуживающий официальную политику. В Академгородке властителями дум были учёные – физики, биологи, генетики, математики. Молодые люди грезили великой наукой. Философия таковой не считалась. Были, конечно, островки свободы и инакомыслия. Например, клуб-кафе «Под интегралом». Там однажды выступал и Г. П. Щедровицкий. Сохранилась редкая фотография (ил. 1). Про А. Галича все знают. В 1968 он выступал в рамках фестиваля бардовской (авторской) песни⁹, когда клуб «Под интегралом» уже закрывался. А сам концерт состоялся аж в Доме учёных! Пожалуй, этот фестиваль был последним свободным и публичным действием в общественной жизни Городка. Потом пошло подполье, квартирники и прочее.

Ил. 1. Выступление Г. П. Щедровицкого в кафе-клубе «Под Интегралом». 1967 г.

Источник: <http://www.metodolog.ru/node/1845>

помнившая, Н. Г. Алексеев. Сборник был опубликован только в 1993 году Петром Щедровицким [Щедровицкий и др. 1993]. Тем самым то, что было написано и промыслено ещё в 1968, пробивало себе дорогу в устном жанре лекций, выступлений, докладов, на играх. На лекциях 1985 г. в Новосибирском пединституте была очередная устная публикация его работы «Система педагогических исследований (методологический анализ)», вошедшей в указанный сборник.

⁹ В разных воспоминаниях он называется по-разному. На заднике сцены в Доме учёных было написано: «Праздник самодеятельной песни».

Островом свободы в Академгородке можно было считать и семинар по логике, методологии и философии науки М. А. Розова, начавший работать, по словам его основателя и руководителя, уже с ноября 1963 года и существовавший с перерывами до конца 70-х (позже он собирался уже эпизодически) [см.: Розов 1996]¹⁰. Как вспоминал сам М. А. Розов, «мы жили в плотном окружении математиков и естествоиспытателей, они задавали образцы, они нередко выступали и как наши судьи» [Розов 1996, 8]. Семинар начинал собираться на квартире у М. А. Розова, что получило негативную оценку у философского официоза. Жена М. А. Розова, Сталина Сергеевна, получила партийное взыскание. Она работала на кафедре философии НГУ. А М. А. Розов официально ушёл из философии, работал в Институте автоматики и электрометрии, позже в Институте экономики, потому был защищён от академической философии. Позже всё стало спокойнее, семинар собирался на разных площадках, на квартирах, в Доме учёных, в НГУ.

Важно было то, что именно плотность контактов, физическая близость позволяла бурно и интенсивно обсуждать идеи. Мы, вспоминал М. А. Розов, полагали, что живём во втором Гётtingене, концентрация умов была высокой. «Ещё не было “остепенённости” и сановности, собственных автомашин и садовых участков, зачастую не было кабинетов и приёмных, <...> целый институт мог располагаться в одной комнате или квартире жилого дома» [Розов 1996, 8]. Фактически характер интеллектуального клуба на целой отдельной территории позволял порождать в Академгородке новые идеи.

В 1967 году М. А. Розов организовал с участием ГП и других членов ММК симпозиум «Проблемы исследования структуры науки», ставший событием для методологического движения. М. А. Розов выступал оппонентом и равным собеседником Г. П. Щедровицкому, но оставаясь всё же в рамках эпистемологии и гносеологии, не разделяя идеи СМД-методологии ГП: «Семинар всё же всегда был направлен на исследование познания в традициях естественнонаучного подхода» [Розов 1996, 9]. Долгое время участники семинара пытались оправдать своё существование через построение своей концепции методологии науки, опираясь на достижения естественных и математических наук, стремясь строить логику и эпистемологию на конкретном материале истории науки, фактически не

¹⁰ С отъездом М. А. Розова в Москву в 1981 году семинар перестал работать как единое сообщество с концептуальным ядром единомышленников и последователей М. А. Розова. Он стал просто семинаром, собиравшимся на квартире у С. С. Розовой. Автор этих строк ещё застал работу этого семинара в 80-е годы, выступив несколько раз со своими докладами.

имея в этом смысле собственной теории, не выступая с самостоятельной философской и методологической концепцией, в отличие от ГП¹¹. М. А. Розов вспоминал, что его семинар был для ГП важен как особая «организационная ячейка», как *место мысли*, куда он мог бы постоянно приезжать, взрыхляя почву. Он, ГП, даже однажды спросил М. А. Розова: «Ты с нами или нет?». «Идеально, конечно, да», – ответил М. А. Розов; но он имел свою самостоятельную методологическую программу, разрабатывая теорию социальных эстафет, оставаясь в рамках гносеологии и эпистемологии¹².

Думаю, место в Академгородке и конкретно люди, там работавшие, в лице М. А. Розова, И. И. Ладенко, позже В. П. Тыщенко, были важны для ГП так же, как был важен ему его давний друг М. К. Мамардашвили, к которому ГП также приезжал позже в Грузию. Но тот ясно дал понять, что он не любит ходить строем, что если ГП хочет, чтобы между ними оставалась дружба, пусть отстанет. Так и случилось с Мамардашвили. Так же действовал ГП и в других местах мысли. В Томске, Красноярске, Новосибирске. Например, именно в Томске в 1960 году стараниями работавшего там И. С. Ладенко и при активной поддержке его со стороны ставшего известным в будущем философа и логика В. А. Смирнова (но, кстати, не входящего ни в какие движения и кружки) была проведена первая Всесоюзная конференция по логике и методологии науки [Ладенко 1996, 23–24]. Это опять говорит об особой роли места. В то время подобную конференцию провести в Москве было невозможно, как вспоминал позже И. С. Ладенко. В этой конференции участвовал весь цвет отечественной философии – П. В. Копнин (работал в Томске с 1947 по 1955), М. А. Розов, А. А. Зиновьев, Б. А. Грушин, Г. П. Щедровицкий, В. Н. Садовский, В. С. Швырёв и др. Затем вторая конференция по этой теме была проведена в 1962 году в Киеве (благодаря поддержке П. В. Копнина). Заметим, что томская конференция была первой не только в стране, но и в мире. Знаменитый Конгресс по логике, философии и методологии науки в Стэнфорде состоялся уже после – осенью 1960 года. С тех пор эти конгрессы проходили в разных странах мира регулярно, в них участвовали

¹¹ Наиболее активным сторонником идей ГП на семинаре М. А. Розова был отстаивавший идеи деятельностного подхода И. С. Алексеев, позднее уехавший в Москву в 1971 году.

¹² М. А. Розов и ГП решали где-то даже объективно сходные задачи – оба выстраивали свои онтологии, в которых вообще-то человека не было. У ГП человек занимал место в его деятельностной онтологии, а М. А. Розов рассматривал деятельность как волну, а не как субстанцию, в которой постоянно меняется человеческий материал [Хромченко 2006]. А социальная эстафета представляла собой «простейший пример социального куматоида» [Розов 1997, 14]. Социальная эстафета предполагает воспроизведение человеческого поведения по образцам.

и советские делегации (несколько раз во главе с Б. М. Кедровым), но жизнь и деятельность этих конгрессменов и деятелей ММК шла параллельно. Кстати, только в Томске сохранился материальный след, артефакт – мемориальная доска памяти П. В. Копнина на здании Томского государственного университета (ТГУ); на этой доске он назван «основателем Томской методологической школы».

Память о семинаре М. А. Розова осталась в виде работ его участников – докладов, статей, разных публикаций в разных сборниках, то есть в виде диссеминации идей и концепций [см.: Розов 1996; Розова 1997]. Сталина Сергеевна Розова, бывшая фактически душой и хозяйкой семинара, эпизодически проводила заседания семинара у себя на квартире ещё довольно долгое время. Сами участники семинара, вспоминает В. И. Гуваков, не осознавали его значимость. И сам семинар так и не воплотился ни в какие институции, хотя такие попытки были (на базе НГУ, Института автоматики и электрометрии и Института экономики, где работал М. А. Розов) [Гуваков 1996, 155]. Но эти попытки ни во что не воплотились. Семинар так и остался кружком-квартирником.

Позже уже благодаря стараниям И. С. Ладенко и приездам ГП в Новосибирске после очередного интеллектуального десанта был создан комитет по СМД-методологии и организационно-деятельностным играм (ОДИ). Это случилось в 1986 году. Методология-таки (и в этом смысле через неё и философия) как живое мыследействие, а не академическая дисциплина, медленно и робко укоренялась в Новосибирске¹³. И это произошло именно потому, что однажды сюда приехал И. С. Ладенко из Омска, уже после аспирантуры и нескольких лет преподавания в разных вузах разных городов, ученик и соратник ГП. К нему сюда стал приезжать и ГП¹⁴. Понятно, что ГП «наследил» во многих городах – там, где проводились игры, читались его курсы лекций, и там, где он с соратниками создавал новые институции, например, Тольяттинская академия управления (вуз проектного типа) или психолого-педагогический факультет в Красноярском госуниверситете (вместе с В. В. Давыдовым). После этих приездов места пребывания становились содержательно «взрыхлён-

¹³ Комитет по СМД-методологии и ОДИ просуществовал в Новосибирске недолго. Его руководителями были В. А. Жегалин и В. П. Тышченко. После того как Жегалин уехал в Зеленоград, комитет фактически распался. А я провёл первую в своей жизни большую ОДИ по заказу обкома комсомола. Но уже начиналась перестройка...

¹⁴ Это несмотря на то, что, как специально фиксирует сам И. С. Ладенко, 3 июня 1963 года на квартире ГП на очередном заседании кружка ГП заявил о невозможности обсуждать научные проблемы с И. С. Ладенко [Ладенко 1996, 32]. Их содержательные контакты были прекращены, несмотря на продолжающуюся личную дружбу.

ными», там создавались группы последователей, которые стали ездить на игры ГП (как и автор этих строк). И эти места загорались новым светом – светом мысли, светом события. Даже если эти попытки мыслить были неуклюжими и робкими. И по этой тонкой событийной линии выстраивается весьма хрупкая духовная эстафета, которая всегда может в одночасье прерваться.

Она прервалась после смерти И. С. Ладенко¹⁵. Он в 1995 году впервые провёл чтения памяти своего учителя и друга, «Георгиевские чтения», последнее угасающее методологическое событие в Новосибирске [Ладенко 1996]. На следующий год он умер. После его смерти таких событий уже не было. Некому было их держать на себе. Последователи что-то делали, проводили игры, семинары... Но ощущение было такое, что что-то главное уже состоялось.

Замечательно то, что даже на таком маленьком месте уживались, но фактически никак не пересекались разные интеллектуальные линии и сообщества. В эти же 70-е годы, годы активного поиска и дискуссий, параллельно приездам ГП в Городок, семинарам М. А. Розова и И. С. Ладенко, здесь же проходили конференции и семинары, которые организовывал со своими коллегами В. В. Целищев [Целищев 2014, 17]. Будучи последовательным разработчиком новых тогда для отечественной философии направлений – аналитической философии, философии математики и логики¹⁶, а ныне едва ли не одним из основных авторитетных специалистов в нашей стране в этих областях, В. В. Целищев организовал, например, приезд в 1975 году в Городок не кого-нибудь, а самого Я. Хинтикки. Этот знаменитый финн жил у него на квартире, провёл совместно с В. В. Целищевым несколько семинаров. И вообще сектор В. В. Целищева активно разрабатывал своё направление по логике и методологии науки, идя вслед аналитической традиции. А потому ему и его коллегам было забавно смотреть на то, как параллельно их работам разрабатывается фактически самопальная, самодельная отечественная логика и методология науки в лице М. А. Розова или

¹⁵ Память о И. С. Ладенко и о начале ММК сохранилась у меня в том числе и в виде вещественных артефактов. Он мне дал почтить ту самую знаменитую, напечатанную на папиросной бумаге кандидатскую диссертацию А. А. Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале "Капитала" К. Маркса)» 1954 года. Сделана руками. Переплетена. Какая-то 15-я копия, напечатанная на машинке. Она у меня так и осталась.

¹⁶ Надо сказать, что аналитическая философия до сих пор не имеет своего сколь-нибудь осмысленного самостоятельного направления в России. Авторы кормятся переводами и толкованиями англосаксонских авторитетов, но не развивают самостоятельных направлений. В то же время методология Г. П. Щедровицкого прочно вошла в практику мышления многих авторов, а сам основатель СМД-подхода вошёл в галерею крупнейших отечественных самостоятельных мыслителей.

И. С. Ладенко. Равно как и в лице Г. П. Щедровицкого¹⁷. Его СМД-методология на фоне изысканий и работ знаменитых авторов (будь то Р. Рорти или Б. Рассел) выглядела, конечно, экзотично. Правда, после ухода ГП и на Чтениях его памяти разные отечественные авторы ныне хором обсуждают и сравнивают вклады этих разных авторов, сопоставляя вклад и масштаб Г. П. Щедровицкого, с одной стороны, и М. Фуко, Ж. Делёза, Д. Ролза, Ю. Хабермаса, с другой [Никитаев 2004]¹⁸.

Однако плотность и концентрация содержательных контактов отразились и на судьбе самого Академгородка. Г. П. Щедровицкий это позже отмечал. В 1981 году он заявил (на своих лекциях по организации и управлению), что Академгородок умирает [Щедровицкий 2003, 200–201]. В своё время он ввёл различие двух институциональных форм – производство и клуб. На производстве люди выполняют функции, будучи включёнными в производственные цепочки, и должны быть эффективными исполнителями функций и работ. Но рядом отдельно выстраивается клубное пространство, в котором люди вступают друг с другом в свободное личностное общение. Эти пространства обычно разведены, имеют границы. В Академгородке произошло так, что пространства производства и клуба оказались перемешаны и сосредоточены на одном пятаке, в одной «научной деревне». Человек и в рабочее, и в свободное время фактически общался с одними и теми же людьми. Академгородок был искусственно создан как такое научное соседство. Но ведь человек не может в столовой и кафе общаться с директором института и академиком так же, как с аспирантом или напарником по лаборатории, младшим научным сотрудником. Иерархия чинов, званий и должностей всё равно работала. Вдобавок, создав в одной «научной деревне» такой концентрат учёных с рангами, власть ввела иерархию распределения бонусов и благ – коттеджи для академиков, докторские квартиры для докторов наук, квартиры попроще для кандидатов, общежития для аспирантов. Добавим сюда столы заказов и т. д. И всё это опять же на одном пятаке, в пешеходной доступности. В итоге молодёжь стала оттуда уезжать, поскольку городок был моногородом, научным городком, замкнутым

¹⁷ Пересечения бывают удивительными. Первым оппонентом на защите кандидатской диссертации В. В. Целищева в 1968 году был не кто иной, как А. А. Зиновьев, старший друг и соратник Г. П. Щедровицкого в студенческие годы.

¹⁸ Его ученик и соратник В. А. Лефевр, уехавший в США, основатель и разработчик теории конфликтующих структур и «алгебры совести», заметил, что по влиянию на умы Г. П. Щедровицкого можно сравнивать разве что с Б. Расселом в англоязычной литературе [Лефевр 1990, 51].

в себе. На десятки лет в нём все места были поделены и распределены. А потому он имел вполне замкнутый жизненный цикл на 50 лет. К концу 90-х он и закончился.

Г. П. Щедровицкий объясняет его ситуацию методологически: если в городе сплющены пространства производства и клуба, общественной и частной жизни, то эта территория не жизнеспособна. ГП не жил в Академгородке. И он не знал, как там жилось учёным в 50–60-е годы, когда академик, кандидат наук и аспирант летом на пляже могли тут же между игрой в волейбол и купанием решать математические задачки, рисуя формулы на песке. Но методологически он прав. По сути Академгородок был интеллектуальной шарашкой в мягкой форме. ГУЛАГа уже не было. Но иной модели для мобилизации человеческих ресурсов под оборонный и космический проект (каковым и был Академгородок М. А. Лаврентьева) у власти не было. Потому и свезли тысячи умов в одно место, поставили им задачи на освоение космоса и оборону, дали спецпайки, обеспечили жильём. Такая шарашка может быть эффективной на некоторое время – на время жизни двух-трёх поколений. Но у неё нет будущего.

Философ в городе

Возвращаемся к нашей теме – философ и город¹⁹. Г. П. Щедровицкий фактически такой же вненаходимый персонаж, как и М. М. Бахтин, но с иным знаком. М. М. Бахтин выстраивал монастырь в миру, не стремясь укореняться где-то географически, оставаясь наедине со своей мыслью и не создавая никаких институций. ГП также не укоренялся, точнее, не прикреплялся к одному месту. Но он стремился разбросать идеи повсюду, создавая событийные места мысли, выступая этаким флибустьером-открывателем новых территорий, интеллектуальным пиратом, плавающим на пентеконтере²⁰. И побывав на очередном заброшенном архипелаге, он оставлял там свой след,ставил свой флаг, поскольку считал себя самого

¹⁹ Кстати, А. М. Пятигорский, с которого мы начали наш разговор в этой статье, несмотря на отказ эмпирически приземлять жизнь и мысль философа, как-то утверждал, что он не мыслит себя вне города: «Я был и остаюсь помешанным на городе и на архитектуре. Город – естественная среда моего мышления» [Пятигорская 2020].

²⁰ Г. П. Щедровицкому очень нравилась версия М. К. Петрова относительно того, что древнегреческий 50-вёсельный корабль пентеконтера периода крито-микенской цивилизации выступил в роли модели-тренажёра, на которой отрабатывался новый тип мышления и действия – палубное мышление, разрушившее старый социокод жреческой сухопутной цивилизации [Петров 1987]. Г. П. Щедровицкий частенько ссылался на эту статью М. К. Петрова.

начала миссионером: «Именно тогда, в 1952 году, я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю дальнейшую мою жизнь и работу: для того, чтобы Россия могла занять своё место в мире, нужно восстанавливать интеллигенцию в России». А это возможно только через выстраивание разных способов, инструментов, средств мышления. Интеллигент обязан оставаться мыслителем, «в этом его предназначение» [Щедровицкий 2001, 301–303].

Но коли так, то миссионеры-то в городах не живут. Они живут в дороге. Мне думается, что как раз ГП воплотил своей жизнью принцип личностной навигации: проторивание пути посредством постоянного подключения себя к рамке мышления и блуждание по географическим местам в поисках живых мыслящих собеседников. Несмотря на то, что он был убеждён, что мыслит мышление, а не человек, мышление как субстанция «садится» на человека, но задача самого человека заключалась в том, чтобы выдержать эту ношу и нести её, воплощая акты мышления в событийных треках своей личной биографии²¹. В конце жизни он этот поисковый принцип просто записывает: «Я тогда же, в 1952 году, сформулировал принцип, которого придерживаюсь и сейчас. Каждый должен заботиться о себе, в первую очередь о себе как о культурной личности, и в этом состоит его обязательство перед людьми, <...> и я, и все мы, т. е. принадлежащие к страте интеллигенции, мы все являемся членами группы “свободного поиска”» [Щедровицкий 2001, 302–303].

Мессианство и «прогрессорство» воплощалось в соответствующей географии. Пространством мыследействия философа и методолога Г. П. Щедровицкого становится вся страна²². И одновременно – его

²¹ Такую позицию ГП занимал с самого начала. В 1957 на психологическом семинаре, посвящённом изучению и публикации наследия Л. С. Выготского, ГП успел выступить несколько раз и заявил эту позицию. ГП полагал, взяв на вооружение тезис В. Гумбольдта о языке как субстанции: «Не человек овладевает языком, а язык овладевает человеком, и точно так же мышление: оно не порождается человеком в его голове, а “проходит” через голову человека, преобразуясь и трансформируясь в ней. И поэтому мы должны рассматривать мышление как своего рода субстанцию, которая существует сама по себе в своём самодвижении» [Щедровицкий 2001, 37]. Именно так, полагал ГП, понимал природу мышления и Л. С. Выготский, и в этом весь смысл культурно-исторического подхода. Заметим, что у самого Выготского сказано ровно наоборот: «Не мышление мыслит, а человек. Но какой?» [Выготский 1986, 58–59]. Оставим это для отдельного разговора. Известно, что цитировать Л. С. Выготского опасно. Он в разных местах своих рукописей может говорить по-разному. Но он был тоже всегда в «свободном поиске», поэтому говорить следует не о формулировках в рукописях, а о позиции, об авторской оптике мышления.

²² Учитывая то, что ГП был признан неблагонадёжным после истории 1968 года, был исключён из КПСС и уволен с работы (см. выше), он ещё и сознательно не прикреплялся к должности и месту работы. За 20 лет он сменил семь мест работы. Фактически местами его работы были места его мысли и действия, десятки и сотни игр и семинаров, а ключевым местом публичного мыследействия было место у доски с куском мела в любом уголке страны в десятках городов.

место всегда конкретно: на игре, на семинаре. У доски, с куском мела (ил. 2). Сам лично он провёл более 90 игр, его ученики – сотни. Добавим сюда сотни лекций в десятках городов, десятки километров магнитофонной плёнки с записями его лекций, докладов, выступлений, стенограммы игр. Но дело не только в этом. Дело как раз в том, что его слова и дела воплощались в новые институции, которые формировали интеллектуальную среду и выращивали новые поколения мыслящих людей. Не обходилось и без пены. Были и люмпены-игротехники, обходившиеся и без мышления, ставившие на поток игры и проектные семинары, пытаясь на этом подзаработать.

Ил. 2. Место методолога. У доски. С куском мела.

Источник: Щедровицкий 2001

В конце жизни Г. П. Щедровицкий, вспоминая свои труды и дни²³, заметил, что главной проблемой в отечественной философии после войны в 1940-е годы (как ни странно это звучит в устах методолога) была проблема человека. Причём, заметим, эту проблему он описывал в категориях топики, места. Стоял вопрос о том,

²³ Это было на знаменитых лекциях в 1989 году в культурном центре «На Досках» [Щедровицкий 2004].

где находится человек, то есть в каком мире он существует как социокультурное существо [Щедровицкий 1997, 10]. Является ли человек автономной целостностью или занимает функциональное место в человеческой организации? Для него ответ был очевиден – да, человек занимает место, он вовсе не монада, не атомарное существо. Но вот личность – это особый феномен, который формируется, когда «человек-индивидуид отвоёвывает себе право не подчиняться законам места и бродить в этой социальной структуре. Вот тогда формируется личность» [Щедровицкий 1997, 10].

Посмотрим на интеллектуальную географию ГП и её воплощение на карте в виде событийных следов, оставленных им²⁴. В первой колонке – место, город. Во второй – институциональные формы, которые рождались и создавались при непосредственном участии ГП в результате проведённых игр, лекций, семинаров и конференций. В третьей колонке – годы их создания.

Таблица 1

Место	Институциональная форма	Год
Москва и другие города	Методологический кружок как институциональная клубная экстерриториальная форма коллективного мыследействия. МЛК с 1952 г. (вместе с А. А. Зиновьевым) Раскол в 1956 г. Постепенная трансформация в ММК	1952–1987 ²⁵ . В 1987 семинары прекратились
Москва	Комиссия по психологии мышления и логике при Московском отделении общества психологов (при поддержке П. А. Шеварева, вместе с В. В. Давыдовым)	1957

²⁴ См. также: Давыдова 1994; Ладенко 1996; Пископпель 1995.

²⁵ И. С. Ладенко полагает, что Московский логический кружок просуществовал 6 лет, с 1952 по 1958 годы [Ладенко 1996, 20, 30]. Эта дата фактически является личной датой Ладенко. Он закончил в 1958 году философский факультет и уехал в Томск. Отчасти он прав, если иметь в виду логический кружок, основанный А. А. Зиновьевым. Думаю, если учесть всё разнообразие кружковой, семинарской и игровой работы, кружок как институциональная форма просуществовал до последних лет жизни ГП. После его ухода кружок действительно распался. Его ученики создавали свои институциональные формы. Правда, И. С. Ладенко утверждал, что сочетание «методологический кружок» и утверждение, что он существовал и дальше в последующие годы, как позже стали утверждать сам ГП и другие идеологи методологического движения, явно некорректны, поскольку всякий кружок есть оргформа, существующая на определённом временном интервале. Прекращение взаимодействия между его членами означает и прекращение его деятельности. Поэтому, утверждает И. С. Ладенко, кружок, который начал свою работу на философском факультете МГУ в 1952 году, как раз и прекратил своё существование в 1958 году. Кроме того, он назывался «логическим». Названия «методологический» в то время вообще не существовало. Методологический кружок стал сформироваться позднее, с 1961 года, когда стали проходить семинары на квартире ГП и в других местах. Но это уже нечто другое: изменился состав, изменилось и содержание семинаров.

Продолжение таблицы 1

Место	Институциональная форма	Год
Москва	Семинары в Институте общей и педагогической психологии АПН РСФСР (вместе с В. В. Давыдовым)	С 1961
Томск	Первая Всесоюзная конференция по логике и методологии науки (вместе с В. А. Смирновым, В. Н. Садовским)	1960
Москва	Кружок по истории математики в Московском городском педагогическом институте им. Потёмкина	1960–1961
Москва	Семинар по методологическим проблемам массовой деятельности (как постоянный семинар философской секции научного совета АН ССР по комплексной проблеме «Кибернетика»)	1962–1964
Киев	Вторая Всесоюзная конференция по логике и методологии науки (вместе с П. В. Копниным)	1962
Новая Утка (Новоуткинск), Свердловская область	Первая организационно-деятельностная игра (ОДИ)	1979
Различные города	90 игр в десятках городов	1979–1991
Красноярск	Создание психолого-педагогического факультета Красноярского государственного университета (вместе с В. В. Давыдовым)	1987
Новосибирск	Комитет по СМД-методологии и ОДИ при Фонде молодёжных инициатив	Середина 80-х
Москва	Комитет по СМД-методологии и ОДИ при Союзе научных и инженерных обществ СССР	1988
Киев	1-й съезд методологов	1989
Москва	1-й номер журнала «Вопросы методологии»	1990
Тольятти	Тольяттинская академия управления (сначала – Банк-колледж, затем Международная академия бизнеса и банковского дела)	1992–1994

Умер Щедровицкий у себя на даче в Болшево²⁶. Это за Москвой, недалеко от города (ныне наукограда) Королёва. Похоронен на Донском кладбище.

²⁶ Там жила М. И. Цветаева, когда она вернулась из эмиграции в Советский Союз в 1939 году. Теперь в доме, где она жила, мемориальный музей. Кто знал про Болшево? А теперь знаем – там жили и работали Марина Цветаева, Георгий Щедровицкий. Так биография человека делает биографию месту.

В 2019 году благодарные сын и вдова, ученики и соратники поставили ему памятник в Пестово Новгородской области (ил. 3). На его 90-летие. Памятник стоит в отдалении. Как-то особняком. Одиночко. Вокруг него пусто. Как было и с самим Г. П. Щедровицким, хотя и жившим в гуще событий и людей, но остававшимся одиночным человеком-пароходом, прорубавшим силой мысли и действия толщу немыслия и пустоты. Мне памятник не нравится. Какой-то казённый. Не располагает. Наверное, такова судьба многих памятников – быть не равными, не похожими на того, кому были поставлены. Памятник он сам себе поставил, только нерукотворный – делами, книгами, мыслями...

Ил. 3. Памятник Г. П. Щедровицкому в Пестово. Открыт 24 февраля 2019 года.
Фото с сайта Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»:
<https://www.flickr.com/photos/165673655@N07/47164195052/in/album-72157678972393208/>

БИБЛИОГРАФИЯ

Выготский 1986 – Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1986. № 1. С. 52–65.

Гуваков 1996 – Гуваков В. И. Мои впечатления о работе семинара М. А. Розова // На теневой стороне. Материалы к истории семи-

- нара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском академгородке. Новосибирск, 1996. С. 154–160.
- Давыдова 1994 – Давыдова Г. А. Научная биография Г. П. Щедровицкого // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. С. 5–9.
- Ладенко 1986 – Проблемы логической организации рефлексивных процессов. Тезисы докладов и сообщений к научно-методической конференции. 2–4 декабря 1986 года. Отв. ред. И. С. Ладенко. Новосибирск, 1986.
- Ладенко 1996 – Ладенко И. С. Г. П. Щедровицкий в развитии генетической логики и методологического движения // Интеллектуальные торпеды. Материалы научной конференции памяти Г. П. Щедровицкого «Георгиевские чтения». 21–22 февраля 1995 г. Новосибирск. 1996. С. 8–36.
- Лефевр 1990 – Лефевр В. А. «Непостижимая» эффективность математики в исследованиях человеческой рефлексии: Интервью // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 51–58.
- Мамардашвили 2014 – Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. Москва, 2014.
- Никитаев 2004 – Чтения памяти Г. П. Щедровицкого. 2002–2003 гг. Доклады и дискуссии / Отв. ред. В. В. Никитаев. Москва, 2004.
- Огурцов 1986 – Огурцов А. П. Рефлексия в науке и обучении // Вопросы философии. 1986. № 2. С. 160–162.
- Петров 1987 – Петров М. К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 100–109.
- Пископпель 1995 – Пископпель А. К творческой биографии Г. П. Щедровицкого // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. Москва, 1995. С. XIII–XXXVII.
- Пятигорский 2006 – Пятигорский А. М. Выступление П. Г. Щедровицкого – А. М. Пятигорского на XII Чтениях памяти Г. П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fondgp.ru/old/lib/cteniya/xii/mat/5/introduction.html> (дата обращения 22.01.2020).
- Пятигорская 2020 – Пятигорская Л. Антибиография [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://alexanderpiatigorsky.com/ru/> (дата обращения: 22.01.2020).
- Ритупс 2019 – Ритупс А. Александр Пятигорский. Потому что Будда её увидел [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rigaslaiks.ru/journal/pyatigorskiy/potomu-chto-budda-ee-uvidel-19814> (дата обращения: 22.01.2020).

- Розов 1996 – Розов М. А. Идеи и проблемы Новосибирского семинара по философии науки // На теневой стороне. Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском академгородке. Новосибирск, 1996. С. 7–53.
- Розов 1997 – Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблема анализа знания // Теория социальных эстафет: История – Идеи – Перспективы. Новосибирск, 1997. С. 9–67.
- Розова 1997 – Теория социальных эстафет: История – Идеи – Перспективы / Отв. ред. С. С. Розова. Новосибирск, 1997.
- Смирнов 2016 – Смирнов С. А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск, 2016.
- Смирнов 2019 – Смирнов С. А. Философ в городе. Автобиография места. Статья 1. Михаил Бахтин // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3 (21). С. 43–61.
- Хромченко 2006 – Розов Михаил Александрович // ММК в лицах: московский методологический кружок, методологическое и игровое движение. Том 1 / Сост. М. С. Хромченко. Москва, 2006. С. 101–105.
- Целищев 2014 – Целищев В. В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск, 2014.
- Щедровицкий 1994 – Щедровицкий Г. П. Эта сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. С. 9–12.
- Щедровицкий 2001 – Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом... Москва, 2001.
- Щедровицкий 2003 – Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций). Москва, 2003.
- Щедровицкий 2004 – На Досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. Москва, 2004.
- Щедровицкий и др. 1993 – Щедровицкий Г., Розин В., Алексеев Н., Непомнящая Н. Педагогика и логика. Москва, 1993.

Материал поступил в редакцию 28.07.2019